

Если будешь хорошо играть, у тебя всегда найдется аудитория

Осенью биг-бэнд Олега Лундстрема, уже попавший несколько лет назад в Книгу рекордов Гиннесса как оркестр-долгожитель, отмечает 70-летний юбилей. Недавно в Большом зале Московской консерватории состоялся первый концерт из юбилейного цикла оркестра. В программу концерта вошли произведения, отражающие практически весь путь возглавляемого Лундстремом коллектива, начиная с 30-х годов XX века и вплоть до сегодняшнего дня. Последнее время по состоянию здоровья сам Олег Леонидович очень редко выходит на сцену, и его небольшое выступление на юбилейном концерте было встречено бурными аплодисментами зала. А заменил своего наставника на ответственном посту дирижера и руководителя оркестра известнейший джазовый музыкант Георгий ГАРАНЯН. Стоит сказать, что сам Гаранян в конце 50-х годов играл в оркестре Лундстрема.

— Георгий Арамович, предпринимали вы какие-либо усилия, чтобы стать руководителем оркестра?

— Нет, никаких.
— А вот некоторые утверждают, что вы подсадили Лундстрема.

— Очень многие ваши коллеги так и думают. Хотя если бы они попали на наш концерт в сентябре прошлого года, когда Олег Леонидович торжественно передал мне дирижерскую палочку и сказал, что сам выбрал меня в качестве своего преемника, то были бы жестоко разочарованы. Лундстрем, которому сейчас 88 лет, просто физически не способен в полном объеме исполнять обязанности руководителя оркестра. За последние полтора года он только три раза выходил на сцену дирижировать по одному произведению, да и это было для него совсем не легкой нагрузкой.

— Какие шаги вы предприняли на посту руководителя оркестра, ведь наверняка кого-то пригласили, а кого-то уволили?

— Это неизбежно, мне нужно не просто собрание музыкантов, а полноценно функционирующий оркестр. Ведь сейчас из-за низкой заработной платы все музыканты стараются работать в нескольких местах, обвинуя их в этом нельзя. Но я не хочу, чтобы оркестр для кого-то служил синекурой, поэтому сразу же всем сказал, что они могут работать, где считают нужным, но должны знать, что оркестр Лундстрема для них является главным, и если я им говорю, что мы заняты, значит, никаких замен быть не может.

— Говорят, что все биг-бэнды должны стремиться к американскому звучанию, удалось ли вам его достичь?

— Американское звучание — это просто культура игры. Есть определенные атрибуты, и профессионал всегда слышит: если они не соблюдены — грош цена оркестру. Кроме того, манера исполнения, а я склоняюсь к свингу, должна быть стилистически выдержана. А дальше — акценты и нюансировка и так далее — все это должно играть такую роль, чтобы слушатель получал удовольствие и говорил: «Да, это фирменный оркестр, американский». К сожалению, российский джаз не может похвастаться тем, что у него когда-то было свое узнаваемое направление. Никто, послушав записи Утесова, Людвиковского, того же Лундстрема, не сможет сказать: «О, это российский джаз».

— Честно говоря, я так и не понял: довольны ли вы состоянием оркестра или нет?

— Нет, не доволен, и так же считаю наши музыканты. Ведь для того, чтобы быть довольным, прежде всего надо создать условия, при которых оркестр мог бы репетировать как можно чаще. Для нас же, к сожалению, полноценная репетиция — большая роскошь. Кроме того, необходимо дать возможность музыкантам как-то преодолеть скупой барьер в 4–5 тысяч рублей, которые они зарабатывают на двух работах. Музыканты сегодня являются одними из самых бедных людей в России, а дирижировать бедными музыканта-

ми — это в некотором роде преступление.

— На что же живет ваш оркестр?

— Оркестр существует на средства Министерства культуры, которое, к сожалению, достойно содержать нас не может. Частично спасают концерты, на которые нас приглашают различные продюсерские компании и другие имеющие деньги организации.

— Если говорить о подобных концертах, сразу вспоминаются концерты памяти Высоцкого в Кремлевском дворце, в которых вы принимаете участие ежегодно. И если не ошибаюсь, оркестр «Мелодия», созданный вами в 70-х годах XX века, был первым, если вообще не единственным, записавшим несколько пластинок с Владимиром Высоцким. Как вы познакомились?

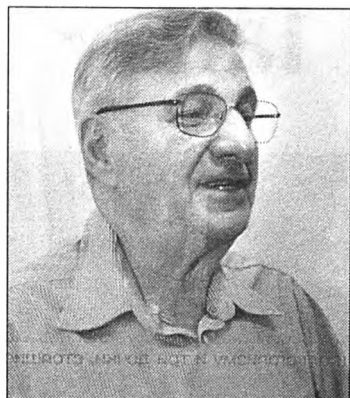
— Это было в 1973 году. Однажды в Доме звукозаписи на Качалова он, уже тогда знаменитый на всю страну актер и певец, подошел ко мне и предложил записать два диска с его песнями. Я, естественно, удивился, ведь в те времена не то что записывать, но даже и исполнять Высоцкого считалось крамолой. Но он, к моему удивлению, сказал, что обо всем договорился, и действительно вскоре поступил официальный заказ, и руководство Всесоюзной фирмы грамзаписи «Мелодия» выписало нам наряды на запись сорока песен.

— И как вам работало с Высоцким?

— Володя не был профессиональным композитором, он нам предоставил записи своих песен, которые надо было сначала расшифровать, а затем написать по ним партитуры, и это работа, надо сказать, не из легких. Чтобы развлекать нас во время долгих и утомительных сессий записи, он время от времени брал гитару и пел свои песни. Так он сумел превратить муторную работу в праздник, и когда она закончилась, все очень переживали. Мы с нетерпением стали ждать, когда выйдут пластинки, но их появление почему-то все время откладывалось. Прошло достаточно много времени, и начали появляться записи в виде маленьких гибких пластиночек, которые подшивались к различным журналам. Но большие пластинки вышли только после его смерти.

— Вернемся к джазу. Последние годы вы играете в основном мейнстрим, а где же творческие поиски и эксперименты?

— Главная тенденция последних лет и у нас, и на Западе, где тоже никаких экспериментов не видно, — это схождение на сторону качества. Все сходятся на том, что джаз должны играть профессионалы и так, чтобы их музыка нравилась публике. Джазмены 50 — 70-х годов упустили один важный момент: они перестали обращать внимание на аудиторию. Дюк Эллингтон в 50-х годах потерял почти всю свою публику из-за экспериментов по скрещиванию негритянской музыки с симфонической, и если бы не триумфальное выступление на нью-йоркском фестивале в 1957 году, где он сыграл простой блюз, то былую популярность себе

Г. Гаранян

Эллингтон, наверное, не смог бы вернуть Колтрейн со своими экспериментами пришел к тому, что его пластинки перестали покупать. Понимаете, эти новации интересны для музыкантов, но не для большой аудитории.

— Но разве такое своеобразное направление, как джаз-рок, не тогда же возникло?

— Совершенно верно, джаз-рок появился как раз для того, чтобы вернуть потерянную аудиторию. И правда, публика сначала была взята, подобные концерты собирали громадное число народа, но, к сожалению, все это продлилось не очень долгое время. Потому что джаз-рок, кроме ритмов, которые сначала казались заразительными, а сейчас представляются монотонными, ничего нового в музыку не принес. И конечно, это было не решение проблемы, которое, на мой взгляд, как раз лежит в мейнстриме, потому что надо вернуть джазу то, с чего он начался.

— Вы как-то сказали, что за последние 20 лет в джазе не появилось ничего нового, за что можно было бы зацепиться. Не означает ли это, что джаз перешел в завершающую стадию развития?

— Да и в симфонической музыке тоже ничего за эти годы нового не появилось. Модерн и авангард безнадежно устарели, додекофония осталась только как прием и так далее. За последние 50 лет не появилось направления, по поводу которого все сразу ахнули бы и кинулись его использовать. Но это не является кризисом, это нормальное развитие. То же самое происходит и в джазе. То есть речь идет прежде всего о качестве. И если ты будешь хорошо играть, то у тебя всегда найдется аудитория. Вот был Луи Армстронг, великий человек. Потом оказалось, что самым великим человеком стал Чарли Паркер, пришел би-боп. Потом великим человеком стал Колтрейн, играть в стиле Чарли Паркера уже было немодно. Помимо этого, был и Орнетт Коулмен, фри-джаз прошел особняком, а сейчас вдруг выяснилось: пожалуйста, играй в любом стиле, только хорошо.

— Как-то вы признались, что когда руководили «Мелодией», то в течение семи лет из-за дефицита времени не брали в руки саксофон, а сейчас оркестр Лундстрема оставляет время на инструмент?

— Действительно, во времена «Мелодии» несколько лет как саксофонист я не функционировал, о чем потом очень жалел. Поэтому сейчас, где бы я ни работал, знаю, что мне обязательно надо играть на инструменте. Хотя возможностей для этого у меня не очень много, но я использую каждый случай и довольно активно выступаю, принимая участие в концертах, на записях и так далее. К тому же несколько месяцев назад я купил прекрасный саксофон, о котором во времена «Мелодии» мог только мечтать.

Беседу вел
Александр СЛАВУЦКИЙ
Фото Натальи НЕЧАЕВОЙ

Музыка — 2024 — 15-21 апр.